

Марков Евгений Львович

**Грехи и нужды нашей
средней школы**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е14

Е14 **Евгений Львович М.**
Грехи и нужды нашей средней школы / Марков Евгений Львович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 134 с.

ISBN 978-5-519-95476-1

ISBN 978-5-519-95476-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

своего внутренняго быта и съ тяжелыми усилями вступая полноправнымъ членомъ въ просвѣщенную семью европейскихъ народовъ,—то было бы странно ожидать спокойнаго и правильнаго роста самой впечатлительной, самой неустойчивой части этого общества, въ которой, какъ въ молодомъ, еще не отстоявшемся винѣ, играютъ соки будущаго...

Вотъ почему въ вопросѣ воспитанія молодого поколѣнія, какъ и во всякомъ серьезномъ практическомъ вопросѣ, необходимо прежде всего намъ самимъ полное спокойствіе духа; только оно одно можетъ представить намъ въ истинномъ свѣтѣ, безъ болѣзненныхъ преувеличеній, безъ тенденціознаго окрашиванія, наше важнѣйшее общественное и государственное дѣло.

Приступать же къ обсужденію его, а тѣмъ болѣе къ практическимъ мѣрамъ въ немъ, подѣ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмущающихъ насъ мимолетныхъ явленій, когда событія минуты невольно представляются ихъ свидѣтелямъ и участникамъ въ гораздо болѣе тревожномъ и опасномъ свѣтѣ, — значитъ съ своей стороны помогать дальнѣйшему неправильному ходу дѣла и ошибочно принимать болѣзненные вспышки организма за нормальную фізіологическую дѣятельность его.

Я, самъ отецъ, воспитавшій нѣсколькихъ сыновей и дочерей, довольно долго былъ педагогомъ, искренно увлеченнымъ этимъ призваніемъ; самъ родился въ очень многочленной семьѣ братьевъ и сестеръ; зналъ хорошо своихъ многочисленныхъ товарищей по гимназіи и университету, своихъ многочисленныхъ учениковъ и ученицъ; поддерживаю и до сихъ поръ отношенія съ близкою мнѣ учащеюся молодежью,—и потому считаю себя достаточно знакомымъ съ психологіею нашего юношества, съ его очень большими недостатками, но и съ очень добрыми сторонами.

Мой долготѣтній опытъ оставилъ во мнѣ глубокое убѣжденіе, что наше юношество очень доступно нравственному вліянію, и что разумный человѣкъ съ прямымъ, устойчивымъ характеромъ, съ честными принципами, а прежде всего искренно расположенный къ молодежи, можетъ безъ особеннаго труда направлять жизнь юношеской толпы по спокойному и плодотворному руслу. Опытъ убѣдилъ меня, что почти всѣ такъ называемые «исторіи» и «безпорядки» нашихъ учебныхъ заведеній если не вызываются, то поддерживаются неумѣлымъ, несправедливымъ или безучастнымъ отношеніемъ къ молодежи тѣхъ, кто бы долженъ жить съ нею душа въ душу и ея интересы сдѣлать своимъ, такъ сказать, семейнымъ интересомъ.

Сколько разъ случалось мнѣ убѣждаться, что одно только искреннее вхожденіе честнаго воспитателя въ подробности возникшаго недоразумѣнія, одно сердечное и разумное объясненіе съ молодыми людьми, чуждое всякаго популярничанья, простое и даже сурово-откровенное,—разводило, точно какой-нибудь громоотводъ, накопившееся въ молодыхъ умахъ электричество негодованія и возмущенія, и нечувствительно устанавливало въ этой сферѣ набѣжавшей грозы тихую и ясную душевную погоду.

Такіе разумные и вліятельные воспитатели, любившіе дѣтей и любимые дѣтьми, были всегда, конечно, рѣдки, какъ рѣдки были и учебныя заведенія, гдѣ дѣло обходилось безъ «исторій» и «безпорядковъ» разнаго рода. Но они, однако, были даже и въ то время, когда мы вообще были бѣднѣе педагогическими и образовательными силами.

Трудно сомнѣваться, чтобы ихъ не нашлось еще больше теперь, когда общественные нравы стали вообще гуманнѣе, когда образованіе разлилось гораздо шире въ русскомъ народѣ, и когда каждому изъ насъ

стали яснѣе и обязательнѣе наши нравственные и гражданскіе идеалы. Если же въ практикѣ нашихъ нынѣшнихъ учебныхъ заведеній мы слишкомъ рѣдко встрѣчаемъ эти крайне желательныя и совершенно необходимыя отношенія воспитателей къ ученикамъ, то причину этого нужно искать въ томъ омертвѣніи внутренней жизни этихъ заведеній, въ томъ уничтоженіи всякой воспитательной самостоятельности ихъ, которыя явились роковымъ послѣдствіемъ строгой канцелярской централизаціи учебнаго дѣла. Система недовѣрія къ учителю, къ ученику, къ главнымъ руководителямъ учебнаго заведенія, къ обществу, къ самимъ родителямъ, вызванная, можетъ быть, историческими обстоятельствами, мертвою рукою легла на наше воспитательное дѣло и обратила его въ механическое отправленіе служебной обязанности, подобно всякому другому чиновничьему «присутственному мѣсту». Въ указанномъ часу всѣ приходили въ классы; до указаннаго часа по указанной книгѣ проходили указанное число страницъ, отвѣчали на экзаменахъ на указанные высшимъ начальствомъ вопросы, и даже за проступки должны были нести то наказаніе, которое было заранѣе предназначено въ утвержденной разъ навсегда и для всѣхъ таблицѣ наказаній. Все было до того предусмотрѣно и предоставлено заранѣе чиновничьею инстанціею, живущею за тридевять земель отъ воспитывающагося юношества, и до того механизировано, что какой-нибудь Эдиссонъ могъ бы, кажется, изобрѣсти машинку, вполне способную замѣнить эти прямолинейные распорядки учебнаго начальства. Учитель, воспитатель, директоръ—потеряли всякій живой интересъ къ живому дѣлу, которымъ механически правила издали чужая, холодная, но тѣмъ не менѣе властная рука. Естественно, что люди, преданные сердцемъ дѣлу воспитанія, вынуждены были,

въ такихъ условіяхъ, при первой возможности покидать его и искать другихъ занятій, а ряды педагоговъ невольно пополнялись людьми иныхъ взглядовъ, смотрѣвшихъ на свое призваніе, исключительно какъ на средство получать жалованье и выслуживать пенсіонъ. Механизация проникла даже въ религіозную жизнь учебныхъ заведеній, и какія-нибудь обязательныя колѣнопреклоненія цѣлой корпораціи въ извѣстные моменты церковныхъ службъ, напоминающія гораздо болѣе исполненіе воинской команды, чѣмъ искреннее движеніе растроганнаго сердца, стали требоваться начальствомъ въ замѣнъ воспитанія въ дѣтяхъ ихъ собственнаго религіознаго чувства.

При такой системѣ, обезличившей одинаково и воспитателя, и воспитанника, обратившей ихъ въ безучастныя колесики учебной машинки, бывшее значеніе педагогическихъ совѣтовъ, составлявшихъ въ болѣе счастливыя эпохи нашей учебной жизни «живую душу» и двигающій импульсъ заведенія, совершенно уничтожилось; никакіе воспитательные и учебные опыты, никакія отступленія отъ строго предписанныхъ формъ и нормъ, иначе сказать, никакая искренняя внутренняя дѣятельность учебнаго заведенія не допускалась и сдѣлалась невозможною. На сѣзды учителей, ихъ конференціи, публичныя чтенія, на всякое участіе «казеннаго педагога» въ духовной жизни мѣстнаго общества стали смотрѣть, какъ на вредную ересь, какъ на признакъ служебной неблагонадежности, и дошли по этому пути до того, что въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ мѣстахъ губернскихъ городахъ учителя среднихъ учебныхъ заведеній, составляющіе въ сущности главную и чуть не единственную просвѣщенную силу мѣстнаго общества, подъ страхомъ быть на дурномъ счету у начальства, не осмѣливались принимать участіе ни въ народныхъ чтеніяхъ, ни въ пуб-

личныхъ лекціяхъ, ни въ общественныхъ бібліотекахъ, ни въ какомъ вообще просвѣтительномъ учрежденіи, предпринятомъ внѣ предписаній начальства,

Понятно, что такой неестественный мертвящій строй нашихъ учебныхъ заведеній отразился самымъ вреднымъ образомъ не только на впечатлительной натурѣ учащихся, но и на отношеніи къ заведенію самихъ учителей и воспитателей. Привыкнувъ къ родственно-близкимъ отношеніямъ воспитанниковъ моего времени къ воспитавшему ихъ заведенію, къ ихъ благодушнымъ воспоминаніямъ о своихъ даже плохихъ и чуждаковатыхъ учителяхъ, къ ихъ радостно дружественнымъ встрѣчамъ съ бывшими своими наставниками,—я съ искреннимъ изумленіемъ видѣлъ и слышалъ кругомъ себя всякаго рода выраженія вражды и полного отчужденія бывшихъ учениковъ послѣдней формациі къ тому заведенію, въ которомъ они провели лучшіе годы своего дѣтства и юности. А гдѣ нѣтъ любви, уваженія и привязанности, тамъ какое же можетъ быть полезное нравственное вліяніе, сколько бы вы ни прививали дѣтямъ почтительности и благонравія сажаньемъ подъ арестъ и плохими баллами за поведеніе!

Восемь или девять-десять лѣтъ самаго чуткаго и опаснаго возраста, когда въ подрастающемъ юношѣ складываются всѣ его будущіе вкусы, расположенія и взгляды на жизнь и людей, провести въ такомъ враждебномъ и отрицательномъ настроеніи—это, какъ хотите, не можетъ не отразиться глубоко и на будущемъ студентѣ, который невольно осужденъ входить въ сравнительно свободную сферу своей новой жизни безъ всякихъ нравственныхъ устоевъ и тормозовъ, безъ внутренняго запаса любви и мира, если, конечно, ему не посчастливилось собрать этотъ драгоцѣнный запасъ въ какой-нибудь исключительно благопріятной семейной обстановкѣ своей.

Лекарство противъ этого зла указывается самимъ же этимъ зломъ. Уничтожить механическое бездушіе нашего воспитательнаго дѣла, измѣнить его канцелярски-чиновническій характеръ, возвратить учебнымъ заведеніямъ ихъ живую, искреннюю жизнь, ихъ естественную фізіономію, не всегда похожую на всѣ другія,—вотъ что одно необходимо теперь. Это, конечно, не достигается предписаніями. Нельзя приказать человѣку: будь искрененъ, интересуйся дѣломъ; люби тѣхъ, кого ты воспитываешь! Но можно и должно поставить людей въ такое положеніе, что они сами, наконецъ, станутъ искренно интересоваться дѣломъ и безъ предписанія начальства привяжутся сердцемъ къ питомцамъ своимъ. Для этого прежде всего нужно, чтобы люди, которымъ поручается дѣло, почувствовали себя сколько-нибудь хозяевами его, сознали бы, что ихъ личныя дружныя усилія могутъ достигнуть чего-нибудь, что они свободны выбирать для достиженія поставленной цѣли тѣ средства, въ которыя они вѣрятъ, которыхъ силу они испытали... Слѣдите внимательно за тѣмъ, что и какъ они дѣлаютъ, требуйте отчета, давайте совѣты, беспощадно устраняйте неумѣлыхъ или нерадивыхъ, строго выбирайте своихъ работниковъ,—но не мѣшайте тѣмъ, кому вы вѣрите, вести дѣло по мѣрѣ ихъ разумѣнія, на ихъ отвѣтственность, не стѣсняйте свободы внутренней жизни заведенія однообразными предписаніями, безчисленными формальными требованіями и, главное, пагубнымъ недовѣріемъ, которое убиваетъ все живое и искреннее...

II.

Я считаю вполне умѣстнымъ привести здѣсь небольшую иллюстрацію къ только-что высказаннымъ мыслямъ изъ своихъ личныхъ воспоминаній о другой,

давно уже прошедшей, эпохѣ нашей педагогической жизни, которую вѣрнѣе всего назвать «эпохою Пирогова», и въ которой, несмотря на нѣкоторыя ея увлеченія и ошибки, жило высоко-нравственное и плодотворное начало. Я въ правѣ считать себя однимъ изъ скромныхъ дѣятелей той далекой эпохи, принципы которой я старался проводить и въ своей позднѣйшей педагогической дѣятельности, при совершенно уже измѣнившихся общихъ условіяхъ.

Мнѣ посчастливилось въ ранней молодости быть дѣятельнымъ членомъ очень своеобразнаго педагогическаго улья, о которомъ когда-то довольно много говорилось и писалось, о которомъ, конечно, теперь совершенно забыли, но о которомъ особенно кстати вспомнить именно теперь, какъ о противоположномъ полюсѣ своего рода нашихъ современныхъ учебныхъ заведеній.

Я говорю о тульской гимназіи конца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ.

Свѣтлая эпоха русскаго возрожденія застала эту гимназію въ самомъ плачевномъ состояніи, напавшемъ художественныя картины педагогическаго быта въ романѣ «Кто виноватъ». Новый попечитель московскаго учебнаго округа, генералъ Исаковъ, связавшій потомъ свое имя съ широкимъ подъемомъ нашего военно-учебнаго образованія, хотя самъ былъ мало знакомъ съ вопросами педагогическими, но обладалъ большимъ тактомъ и очень здравымъ умомъ, который помогалъ ему удачно выбирать людей, заслуживавшихъ довѣрія и вполне пригодныхъ къ дѣлу. Остановившись на такомъ человѣкѣ, онъ предоставлялъ ему возможную свободу дѣйствій и, сознавая тогдашнее прискорбное состояніе нашего учебнаго дѣла, охотно шелъ навстрѣчу самымъ смѣлымъ педагогическимъ опытамъ по новому, свѣжему пути. Тульскую гимназію, обратившуюся чуть не въ «бурсу»,

необходимо было пересоздать и воскресить совсѣмъ заново. Исаковъ посылаетъ туда директоромъ—съ самыми широкими полномочіями удалять и приглашать, кого онъ сочтетъ нужнымъ—одного изъ замѣчательныхъ учителей московскихъ гимназій, И. О. Гаярина, человѣка очень солиднаго филологическаго образованія, серьезнаго теоретическаго ума и чрезвычайно стойкаго характера.

Гаяринъ, рѣшившійся сразу очистить «Авгіевы конюшни» тульской гимназіи, собираетъ вокругъ себя кучку свѣжихъ молодыхъ людей, только-что окончившихъ университетскіе курсы, совсѣмъ не того типа, изъ котораго обыкновенно набирался нашъ учительскій персоналъ. Со свойственною ему убѣдительностью, онъ уговариваетъ посвятить себя плодотворному дѣлу воспитанія молодыхъ поколѣній возрождающейся Россіи нѣсколькихъ даровитыхъ кандидатовъ университета, готовившихся къ ученой карьерѣ, и по своему матеріальному и общественному положенію вовсе не нуждавшихся въ такой скромной службѣ, какъ мѣсто учителя гимназіи.

Нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей были мои близкіе пріятели. Я жилъ тогда за границею, слушая лекціи въ нѣмецкихъ университетахъ и готовясь къ магистерскому экзамену по одному изъ предметовъ естественнаго факультета, такъ какъ тоже предполагалъ посвятить себя ученой карьерѣ, вовсе не мечтая объ учительствѣ. Вдругъ получаю страстное посланіе отъ своихъ пріятелей. Цѣлое воззваніе идти вмѣстѣ съ ними—спасать отечество, воспитывать новаго гражданина для обновленнаго отечества.—Можетъ ли идти въ сравненіе съ этимъ великимъ плодотворнымъ дѣломъ жизни, съ этимъ возвышеннымъ гражданскимъ подвигомъ сухое занятіе какою-нибудь зоологіею или ботаникою!—убѣждали меня мои пріятели.

Я не заставилъ ждать себя; перспектива посвятить себя такому плодотворному дѣлу, какъ воспитаніе новаго русскаго гражданина, увлекла меня такъ же, какъ и моихъ товарищей. Они писали такія «хорошія вещи» о новомъ директорѣ, его свѣтлыхъ взглядахъ и широкихъ планахъ, что я безъ сожалѣнія бросилъ свои заграничныя ученныя занятія и поспѣшилъ на родину—скорѣе приниматься за насущно-необходимую и живую работу. Мы были всѣ холостые и—кромѣ Гаярина—всѣ очень молодые. Никакихъ чиновничьихъ отношеній между нами не полагалось. Я сейчасъ же перетянулъ въ тульскую гимназію меньшого брата своего, только-что кончившаго въ это время курсъ въ московскомъ университетѣ; мы наняли вчетверомъ—Гаяринъ, мы двое и еще одинъ нашъ пріятель—большое общее помѣщеніе, накупили всякихъ книгъ и пособій, навыписали педагогическихъ журналовъ и стали жить и трудиться совсѣмъ по-товарищески, посвящая всѣ дни самой одушевленной работѣ въ гимназій, значительную часть ночи проводя за приготовленіями къ завтрашнимъ урокамъ не только по русскимъ, тогда еще немногочисленнымъ, но, главнымъ образомъ, по иностраннымъ источникамъ, и вырабатывая путемъ жаркихъ споровъ и обмѣна мыслей посильные взгляды на мало еще знакомые намъ вопросы преподаванія и воспитанія. Мы четверо составляли своего рода центральное ядро нашего педагогическаго кружка, были запѣвалами его; но всѣ вопросы, выработанные или намѣченные въ нашихъ домашнихъ бесѣдахъ, непременно обсуждались всесторонне и съ полнѣйшею свободою въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій, которые собирались очень часто и кипѣли самою искреннею жизнью. Конечно, главною направляющею силою въ нихъ былъ все-таки Гаяринъ, особенно въ первое время, пока мы,

слишкомъ еще молодые и неопытные, не успѣли усвоить себѣ изъ своего энергическаго опыта самостоятельныхъ взглядовъ на дѣло, съ которыми потомъ пришлось, разумѣется, очень считаться.

Благодаря полному довѣрію попечителя округа и замѣчательному дару Гаярина подчинять людей своему образу мыслей, тульская гимназія безъ всякихъ формальныхъ разрѣшеній мало-по-малу совсѣмъ отступила отъ официальныхъ программъ преподаванія и воспитанія и превратилась, такъ сказать, въ дѣятельную педагогическую лабораторію, гдѣ испробовались и примѣнялись разныя педагогическія системы и методы. Многое, что вошло потомъ въ обиходъ нашихъ учебныхъ заведеній, было введено, какъ первый опытъ, въ тульской гимназіи того времени. Въ двухъ первыхъ классахъ гимназіи, напримѣръ, кромѣ Закона Божія, оставшагося за священникомъ, всѣ предметы преподавались однимъ хорошо образованнымъ «класснымъ учителемъ», съ тою цѣлью, чтобы дѣти, еще не знакомыя съ порядками учебнаго заведенія, только-что вышедшія изъ семьи, могли находиться подъ однимъ и тѣмъ же систематическимъ вліяніемъ воспитателя, всецѣло отвѣчавшаго за ихъ успѣхи и нравственное направленіе и становившагося по отношенію къ нимъ въ своего рода родительскія отношенія, особенно понятныя и привычныя дѣтямъ. При этомъ порядкѣ учитель самымъ близкимъ образомъ узнавалъ своихъ учениковъ, входилъ въ ихъ нужды и затрудненія и не могъ обременять ихъ непосильными трудами, какъ это невольно дѣлается при наличности восьми или десяти различныхъ учителей, требующихъ каждый свое, не желающихъ и не могущихъ знать всей совокупности подчасъ непосильныхъ требованій съ ребенка, недавно только научившагося читать и писать.